

8 сентября вошло в нашу историю как день начала блокады Ленинграда. В 1941 году в этот день гитлеровские войска захватили Шлиссельбург, и Ленинград оказался в блокаде.

В 18 часов 55 минут вражеской авиации впервые удалось подвергнуть город массированному налету. Только на Московский район упало 5000 зажигательных бомб. Вспыхнуло 178 пожаров. Самый большой из них охватил деревянные хранилища Бадаевских складов, где хранились запасы муки и сахара...

Впереди были 900 дней блокады – 900 героических дней обороны Ленинграда. И такая далекая Победа...

Сегодня мы рассказываем о нескольких жителях Московского района, - тех, в чье детство вошло страшное слово «блоkada».

Степан и Вера в 1938 году

Степан и Вера в 1953 году, перед свадьбой

Верочкин папа был строителем. В те годы, перед самой войной, наш Московский район как раз начал активно строиться. Еще не было ни Парка Победы, ни как таковой Московской площади, а сам наш главный проспект менялся прямо на глазах, можно даже сказать, что он рос вместе с нами.

И дядя Вася, папа Веры, и тетя Зина, ее мама, каждое утро уходили строить новые дома, а каждый вечер возвращались уставшие, и рассказывали, каким красивым район будет через каких-нибудь пять лет. Верочкина бабушка варила внучке

дед, ни отец с мамой, не говорили по-немецки, и я никогда не задумывался, что чем-то отличаюсь от сверстников. Какая разница – Иванов или Бауэр?

Наступил 1941 год....

В тот день мы с Верочкой играли около старой Чесменской церкви. Пришли домой голодные, с ободранными локтями, но ужасно довольные. Нам исполнилось по шесть

врагов отогнали от города. Тогда мы казались себе совсем взрослыми, пытались сделать что-то полезное для победы. Никто не сомневался, что она обязательно придет.

Летом сорок четвертого мы решили осуществить мечту и пошли к Пулковской обсерватории. Через пару часов нас, несколько заблудившихся, поймали военные. Так я все-таки оказался в детском доме...

В детском доме я впервые столкнулся с ничем необусловленной ненавистью сверстников. Вро-

«Я БЫЛ НЕМЦЕМ...»

Мы могли познакомиться еще в роддоме. Наши мамы родили нас с разницей в два дня. Но почему-то тогда мы не заметили друг друга. Может, потому, что, едва родившись, я еще не умел ценить женскую красоту? Так или иначе, мы узнали друг друга

чер возвращались уставшие, и рассказывали, каким красивым район будет через каких-нибудь пять лет. Верочкина бабушка варила внучке кашу и рассказывала сказки про Репку и Колобок.

Мою няню звали Катериной, она

дружила с Верочкиной бабушкой, и рассказывала мне те же сказки про ту же репку. Но по вечерам мама читала мне из моей любимой книжки сказки братьев Grimm. Когда нам с Верочкой было лет по семь, я как-то рассказал ей про Гензеля и Гретель, о которых мама читала мне накануне. Сказка очень понравилась моей подружке, и она пересказала ее дома родителям. В тот же вечер к нам пришел дядя Вася. Он долго о чем-то говорил с моими мамой и папой, а наутро няня, грустно вздыхая, попросила меня: «Степочка, не рассказывай Верочке немецкие сказки. Это плохие, негодные сказки». «Почему?» - удивился я. Сказки про Мальчика-с-пальчик, Белоснежку и Храброго лортыяжку очень мне нравились. «Потому что их придумали немцы», - вздохнула нянька. «Все немцы плохие?» - спросил я няню. Она опять вздохнула, но ничего не сказала.

Шел 1939 год...

Мой пра-пра-прадед (не знаю, сколько пра- надо придумать, знаю лишь, что произошло это еще в семнадцатом веке) по фамилии Бауэр прибыл в Россию, или как тогда говорили в Московию, из Германии. Не знаю, кем он был, но его сын стал лекарем, и после - все представители любого поколения Бауэров выбирали себе профессии, связанные с медициной: врачи и фармацевты. Мой дедушка в Первую мировую служил в армии, спасал раненых на поле боя. Мой папа был врачом-офтальмологом. Ни

«Я БЫЛ НЕМЦЕМ...»

Мы могли познакомиться еще в роддоме. Наши мамы родили нас с разницей в два дня. Но почему-то тогда мы не заметили друг друга. Может, потому, что, едва родившись, я еще не умел ценить женскую красоту? Так или иначе, мы узнали друг друга лишь тогда, когда моя няня и Верочкина бабушка начали гулять с нами под окнами дома на Средней Рогатке, где жили обе наши семьи. Впрочем, семьи наши дружны не были.

лет, и мы только что впервые поцеловались и решили стать мужем и женой. А еще мы решили, что летом обязательно убежим из дома и доберемся до Пулковской обсерватории. Говорили, что там ужасно красиво.

Дома был странно тихо, почему-то на полу валялись палыны разбитые очки...

Папа с мамой исчезли. Я остался с няней. Не знаю, почему меня не отправили в детский дом. Вряд ли чиновники пожалели малыша с немецкой фамилией. Скорее всего, просто на каком-то этапе бюрократическая машина дала сбой.

На улице на меня показывали пальцем и шептались. Верочкина бабушка испуганно уводила внучку подальше.

А через месяц началась война....

Ушли на фронт родители Верочки, вместе - как когда-то на стройку. Зимой сорок первого-сорок второго умерла от истощения Верочкина бабушка. Няня моя стала теперь медсестрой в госпитале, приходила домой не каждый день. Совсем рядом с домом, на Пулковских высотах, шли бои. Мы сидели с Верочкой около буржуйки и вспоминали, как мечтали прошлой весной, что наступит лето, и мы пойдем «в поход» к обсерватории. Помню, как моя названная сестренка прислонилась ко мне и спросила как-то очень по-взрослому: «Степа, но ведь лето еще обязательно будет?»

Прошло лето, потом еще одно. Нам было всего по девять лет, когда

В детском доме я впервые столкнулся с ничем необусловленной ненавистью сверстников. Впрочем, что значит - ничем? Я был немцем, и пусть не знал

ни слова по-немецки, все равно я был «фашист». Даже воспитатели относились ко мне с подозрением. А может, мне это казалось. Только Верочка всегда была со мной.

Через год вернулась с войны Верочкина мама. Она нашла дочку, приехала за ней. Нам не хотелось расставаться, но взять и меня тете Зине не разрешили. «Ну и что, что сирота. Он немец. А может, и не сирота вовсе?»

С Верочкой мы встретились только через несколько лет. И это были единственные несколько лет в нашей жизни, когда мы были не вместе.

Все детство мы считали себя «женихом и невестой», хотя были скорее братом и сестрой. Когда нам исполнилось по восемнадцать, мы осуществили свою детскую мечту - дошли пешком до Пулковских высот, до самой обсерватории. А вскоре поженились.

Я стал врачом. Моя жена закончила строительный институт. Мы восстанавливали город после войны, лечили людей, растили дочь и сына.

В этом году наш младший внук поступил в медицинский институт. Старший стал строителем, как его отец, бабушка и прадед с прабабушкой. Наша дочь - врач. Все они носят немецкую фамилию, но мы - русские, более того, мы - ленинградцы. И всегда будем гордиться этим.

Степан БАУЭР